воспоминаниях Ракана гл. 20). Вследствие редкой полноты литературной победы Малерба над ронсардизмом происходит в сознании французских поэтов XVII в. вытеснение всего до-Малербова; Плеяда (которая на деле была первой школой нео-классической поэзии) представляется последним, особо уродливым эпилогом «старой» поэзии; это представление, с полной отчетливостью, выражено в знаменитых стихах Буало: Enfin Malherbe vint, et *le premier* en France... Заодно и образ Пиндара теряет всякое предметное содержание. Пиндар становится своего рода полумифологическим эпонимом особого вида поэзии (аналогичный процесс дереализации Гомера и превращения его в «отца стихов» никогда не достиг такой полноты осуществления). Вот почему бесчисленные у поэтов XVIII в. (а у архаистов и в XIX в.) приравнения Ломоносова Пиндару должны рассматриваться, как уподобление эпониму жанра первенствующего представителя этого жанра. Характерно, что Вяземский в известной эпиграмме 1814 г. говорит «наш Пиндар» (причем Ломоносов по имени вовсе не назван: предполагается, что ключом к разрешению антономасии владеет всякий), хотя в данном случае речь идет о Ломоносове, как авторе не од, а эпической поэмы.

Не менее мифологична роль Пиндара и в бесчисленных трактовках темы «недерзание следовать Пиндару». Тема эта (сложившаяся и в западной и в нашей оде на базе Pindarum quisquis studet aemulari... Hor. od. IV, 2) была удобным обоснованием и для сатиры (уже у Кантемира, правда, без упоминания Пиндара, 1731 и 1742 гг.) и для горацианской оды и для бытовой оды «в забавном русском слоге». Ход мысли был такой: мои силы слабы; за Пиндаром вслед я не дерзаю, боясь судьбы Икара (vitreo daturus...), выбираю поэтому менее ответственный, менее опасный средний путь. Самоуничижительный реверанс перед старой формой выражал на деле процесс создания новой формы на основе нового социального содержания. На базе прочно установившегося приравнения Ломоносова Пиндару развился у русских поэтов XVIII в. тематический вариант: недерзание вслед за Ломоносовым (из многочисленных примеров сошлемся на державинский, наиболее известный), — с той же функцией.

Совершенно иной смысл имело приравнение Ломоносова Малербу (лишь у поздних архаистов XIX в. превратившееся в выражение полумифологического пиетэта почти того же типа, что «наш Пиндар», но в XVIII в. еще совершенно реальное